

лизированное или генерализированное употребление слова может быть обусловлено общим контекстом, различной словосочетаемостью, употреблением слова в устойчивых конструкциях:

Mann – 1) человек. wir sind sieben Mann

2) мужчина: ein junger Mann

3) муж: mein Mann

В словах с гипо-гиперонимической связью словозначение–гипоним может накладывать ограничения на лексическую сочетаемость словозначения – гиперонима, а именно: невозможны сочетания, некорректные для значения – гипонима.

Таким образом, анализ специфических функций гипо-гиперонимического варьирования предполагает единство парадигматического и синтагматического анализа

ВИДЫ СОЧЕТАНИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПЯХ

Казак М.Ю.

Белгород

В современном языкознании словообразовательные значения делят на сферу синтаксической деривации (транспозиция) и лексической деривации (мутация и модификация). Выделение синтаксической и лексической деривации связано с именем Е. Куриловича, разработка транспозиционных, модификационных и мутационных значений принадлежит М. Докулилу. Русская грамматика – 80 дополнила эту типологию синтагматическим, или соединительным значением (сложение, аббревиация, сращение). Значения, которые возникают между членами словообразовательных пар, могут быть сложнее, чем выделенные типы – возникают промежуточные между мутацией и модификацией значения (Ю С Азарх), совмещаются два и даже три значения (И.С. Улуханов). Тем не менее данная типология позволяет описать те основные виды значений, которые могут сочетаться в рядах однокоренных слов, связанных отношениями последовательной производности – словообразовательных цепях (СЦ).

Диапазон возможных сочетаний значений проводится на материале отглагольных имен, служащих базой для образования суффиксальных существительных. Внутрисубстантивная деривация имеет в своем арсенале более 70 суффиксов. Существенным фактором для продуцирующей способности отглагольных существительных является *степень производности* мотивирующего имени и его принадлежность к *лексической или синтаксической деривации*. Так, производящие существительные I и II ступеней словопроизводства представляют собой достаточно разнообразные структурные типы с широким диапазоном значений, что предопределяет, в свою очередь разнообразие производных имен следующих ступеней. Напротив, однообразный набор структурных типов и значений производящих III и IV ступеней (существительные со значением лица и отвлеченного действия с суффиксами –к(а) и –о) определяет реализацию однотипных дериватов.

В цепях $ГС_1С_2$ и $ГГ_1С_2С_3$ могут быть представлены следующие последовательности значений: мутационное – мутационное, где значение предмета мотивирует значение лица (*дело – делец, двигатель – двигателюст; воз – возник, постель – постельник, ист.*); предмет – предмет (*шило – шильник, шильница, тычина – тычинник; задача – задачник*); лицо – занятие лица (*пахарь – пахарство, знаток – знаточество; волокита – волокитство*); транспозиционное – мутационное, в этих цепях имена действия служат базой для образования значения лица, реже предмета (*мойка – мойщик, служба – служебник, службист, питье – питьейка, переговоры – переговорщик, договор – договорник*). В цепях $ГГ_1Г_2С_3С_4$ манифестация таких значений отмечается в единичных случаях: *наездник – наездничество, укрыватель – укрывательство* (мутационное – мутационное), *сноска – сносчик, обливание – обливание* (транспозиционное – мутационное).

Типичными для цепей любой структуры является сочетание мутационного и модификационного значений, где значение лица мотивирует значение женскости, невзрослости (редко), субъективной оценки, стилистической модификации ($ГС_1С_2$: *житель – жительница, повар – поваренок, говоруха – говорушка*; $ГГ_1С_2С_3$: *сварщик – сварщица, жока – жока, ученик – ученичок, заваруха – заварушка, плавник – плавничок*; $ГГ_1Г_2С_3С_4$: *обивщик – обивщица, избиратель – избирательница, наездник – наездница*); значение предмета мотивирует значение субъективной оценки, реже стилистической модификации, единичности (*движок – движочек, дяляна – дялянка, тес – тесина; наливка – налибочка, перевод – переводец, зажим – зажимка*).

Следует отметить, что существительные отвлеченного действия, выступая мотивирующей базой для модификационного значения, обычно объективируют свои вторичные, предметные значения: *вставка → вставочка* Уменьш.-ласк. ко 2 знач. («то, что вставляется»); аналогично: *подставка → подставочка, пристройка → пристроечка, поделка → поделочка, проход → проходец* и др. Однако в немногочисленных случаях возможны существительные субъективной оценки и стилистической модификации от имен действия: *примерка → примерочка, подписка → подписочка, скидка → скидочка, переход → переходец, службица, службишка, житьецо, думка, дележка, ломотьё*, т.е. реализуются транспозиционное – модификационное значения.

СЦ, включающие в свой состав тройки суффиксальных имен, т.е. цепи $ГС_1С_2С_3$, $ГГ_1С_2С_3С_4$ могут реализовать следующие значения: мутационное – мутационное – модификационное (*песня – песенник – песенница, катушка – катушечник – катушечница, приход – прихожанин – прихожанка*), транспозиционное – мутационное – модификационное (*любовь – любовник – любовница, резьба – резбовщик – резбовщица; передача – передатчик – передатчица*), мутационное – модификационное – модификационное (*певец – певичка – певичка, сосун – сосунок – сосуночек, тес – тесина – тесинка, сбора – сборка – сборочка, завал – завалина – завалинка*). На конечной ступени представлены значения женскости, субъективной оценки, стилистической модификации.

В цепях $\Gamma_1\Gamma_2C_3C_4C_5$ единичны последовательности со значениями транспозиционное – мутационное – мутационное (*выдвижение – выдвиженец – выдвиженчество, перерождение – перерожденец – перерожденчество*), основная масса существительных на У ступени имеет значение женскости, в СЦ реализуются транспозиционное – мутационное – модификационное значения (*намывка – намыщик – намыщица, переноска – переносчик – переносчица, перерождение – перерожденец – перерожденка*). Таким образом, наиболее типичным в отсубстантивном словообразовании является модификационное значение на завершающем, конечном звене.

Развертывание исходного слова в ряд однокоренных слов, связанных отношениями последовательной производности, проводилось на материале «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова и соотносилось с данными Русской грамматики – 80 (РГ-80). Ряд вопросов, связанных с решением направления производности, отнесения тех или иных дериватов к определенному типу, получает в авторитетных источниках разное трактование. Так, цепь *дело → делега → делечество* по Словарю следует рассматривать как продуцирование мутационных значений на всех ступенях, РГ-80 относит дериват *делега* к отглагольным образованиям (*делать делега*), *делечество* – к отадеквативным (*делеческий – делечество*); в цепи *игра → игрушка → игрушечник → игрушечница* (единичная цепь $\Gamma C_1C_2C_3C_4$ с суффиксальными производными именами на всех звеньях) представлены транспозиционное – мутационное – мутационное – модификационное значения, по РГ-80 *игра* и *игрушка* являются кодериватами и мотивируются глаголом *играть*.

Разное понимание в Словаре и РГ-80 получает группа существительных на *-ств(о)*. В РГ-80 существительные с суффиксом *-ств(о)* распределены по четырем типам – имена действия (*сватовство, празднество*), отадеквативные имена с предметно-характеризующим значением (*божество, отчество*), имена отвлеченного признака (*барство, геройство*), отсубстантивные существительные со значением «свойство или занятие лица» (*начальство*). К последнему, непродуктивному, типу РГ-80 относит только те образования, которые не имеют соотносительных прилагательных. Многие из этих слов имеют опосредствованную мотивацию существительными со значением лица. Словарь последовательно включает в отсубстантивные дериваты те образования, которые соотносятся с лицом: *божество ← бог* (РГ: *божество ← божий*), *воинство ← воин* (РГ: *воинство ← воинский*), *отчество ← отец* (РГ: *отчий*), *барство ← барин* (РГ: *барский*), *геройство ← герой* (РГ: *геройский*). В составе отглагольной лексики Словарь для большинства слов на *-ств(о)* указывает неединственную мотивацию: *водитель → водительство* и *водит → водительство*; *посадник → посадничество* и *посадник → посадничать → посадничество*, дериваты с одной мотивацией *отходничество, приживальчество, ученичество*.

Можно отметить значительную по объему группу слов – названий лиц с суффиксом – *щик* типа *оговорщик, подкопщик*, которые в Словаре имеют неединственную мотивацию – глаголами и существительными с нулевым суффиксом (*подкопщик ← подкопать* и *подкоп*). РГ-80 относит эти дериваты к отглагольным, оставляя в сфере названий лиц с неединственной мотивацией образования, мотивированные глаголами и существительными с суффиксом *-к(а)* типа *наладчик* (*наладить* и *наладчик*), *забастовщик, мойщик*.

Указанные несовпадения, безусловно, объясняются теоретическими установками лингвистов, однако, в значительной степени фундаментальным свойством языка устанавливать сложные и многочисленные связи между элементами языка, которые далеко не всегда можно объяснить однозначно.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА FAIL¹

Камышанченко Е.А.

Белгород

Глагол fail имеет три значения: «нереализованность», «утрата», «недостаточность». На первый взгляд может показаться, что это независимые друг от друга значения, выражающие различные понятия. Однако проводить четкую границу между ними не следует. Они тесно связаны между собой и представляют определенный континуум на семантическом уровне. Интеграция значений отражается и в функциональных характеристиках.

Как известно, определение категориального значения глагола на функциональном уровне, т.е. выбор акционального/неакционального значения в первую очередь связан с мысленным соотношением категории действие/недействие.

Следует сразу отметить, что глагол fail относится к модусным предикатам, семантика которых не содержит значение *действие*, а лишь фиксирует факт наличия какой-либо ситуации, другими словами соотносится с категорией *недействие*. В связи с этим правомерно говорить о неакциональности глагола fail. Однако, было бы неверно категорично заявлять о неакциональном значении, основываясь лишь на семантике глагола

Функциональная категоризация глагола определяется преимущественно его связями с субъектом и объектом, т.е. субъектно- и объектно-ориентированными признаками. В соответствии с традицией, характеристики неакциональных глаголов осуществляются, в основном, через отрицание признаков акциональности. Если акциональные глаголы требуют активности, волитивности, целенаправленности субъекта и контролируемости действия с его стороны, то для неакциональных глаголов характерно отсутствие признаков активности, волитивности, контролируемости.

Как показал фактический материал, глагола fail свободно сочетается с субъектом анропонимом, а так же может предикцироваться непрототипичному субъекту, в качестве которого выступают слова, выражающие продукт мыслительной и речевой деятельности человека, события, связанные с жизнью человека, обозначающие организации:

First, sex is the most powerful drive known to man and ethical theory that fails to take this into account must be seriously deficient (Howatch).

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Министерства образования РФ и администрации Белгородской области 2003 г на проведение молодыми учеными научных исследований (ГМ 70-03)